

П. И. Мельников-Печерский. Гриша

Из раскольниковьего быта

 Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений в 6 т.
 М., Правда, 1963. (Библиотека "Огонек").
 Том 1, с. 249-288.
 OCR: sad369 (г. Омск)

Давно то было... Лет пятьдесят и побольше того в уездном городе Колгуево жило богатое семейство Гусятниковых.

В дальнем углу городка, на самом на всполье, строенья Гусятниковых целый квартал занимали: тут были и кожевня, и салотопня, и свечной завод, и клееварня. До сих пор стоят развалины большого каменного их дома; от других строений следа не осталось - все вычистило в большой пожар, когда в два часа погорело полгорода.

И теперь есть в Колгуево Гусятниковы, но люди захудалые, обнищальные! Из купцов давно в мещане переписались: старики только-что не с сумой ходят, молодые - в солдатство по найму ушли. Стиб, пропал богатый дом, а лет пятьдесят тому назад был он славен в Казани и в Астрахани, в Москве и в Сибири... Какие были богачи!.. Сколько добра было в доме, какую торговлю вели!.. Все прахом да тленом пошло!

Держался дом Гусятниковых матерью теперешних обнищальных стариков. Покамест жива была Евпраксия Михайловна, жили в богатстве и почете; не стало ее - все на иную статью пошло, - унесла она с собой и прежнюю честь, и прежнее довольство, и прежнее житье-бытье Гусятниковых. Как схоронили ее, так и зачали сыновья путаться; путались они, путались, да лет через десяток и спать не ужинавши стали ложиться. А не были ни воры, ни бражники: люди тихие, обходительные и не дураки... И никакого после материной смерти божьего наслания не было - ни пожара, ни потопа, ни суда, ни иного какого разорения. И в казенные подряды не вступали и откупов не держали... Такова уж судьба.

Правда, перед смертью Евпраксии Михайловны было горе у них. Но, кажись бы, от того горя, нельзя было в кон разориться. Судьба, одно слово - судьба!

Отец Гусятниковых, муж Евпраксии Михайловны, торговал бойко, но дела не совсем в порядке держал. Когда помер, а помер-то он в одночасье, на чужой стороне - в Саратове никак, - чуть было не пришлось дела закрывать. Евпраксия Михайловна молодой вдовой осталась, на руках семья: пять сыновей, две дочери - мал-мала меньше. Седьмым ребенком на сносях ходила, как пали к ней вести, что сожитель побывшился. - "Порешились Гусятниковы", - заговорили по купечеству... Родила Евпраксия Михайловна, справилась, сорочины по муже справила и сама за дело взялась. - "Куда молодой бабенке с такими делами возиться, - заговорили купцы, - от таких дел и у старого купца затрешит голова! Куда ей?"

В немощах человеческих господь силу являет: молодая вдова в три-четыре года дела на лучшую ногу поставила, кожевенный завод, при муже чуть не заброшенный, так подняла, что сделался он первым по губернии, и на Макарьевской ярмарке гусятниковская юфта стала всем знаема. Сыновей Евпраксия Михайловна вырастила, выучила, переженила, дочерей за хороших людей замуж повыдала: одну в Казань, другую в Муром, третью чуть ли не в Арзамас. Сыновья не делились, все при матери жили даже и тогда, как своих детей переженили. Одно слово - так хорошо да ладно устроила все Евпраксия Михайловна, что и мужчине не всякому так удастся. И наградила ее господь многолетием: видела Евпраксия Михайловна внуков женатых, нянчила, холила правнуков, ото всех людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много потаенного добра творила она, много раздавала тайной милостыни, и на смертном одре поднесла господу три дара: первый дар - ночное моленье, другой дар - пост-воздержание, третий дар - любовь-добродетель.

Страннолюбие поревновала Евпраксия Михайловна. Кто ни приди к ее дому, кто ни помяни у ворот имя Христово - всякому хлеб-соль и теплый угол. С краю обширной усадьбы, недалеко от маленькой речки, на самом на всполье, сердобольная вдовица ставила особую келью ради пристанища людей странных, ради трудников Христовых, ради переходящих богомольцев. Много тут странников привитало, много бедного народа упокоено было, много к господу теплых молитв пролито было за честную вдовицу Евпраксию.